

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры общей и экономической истории

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 251-96-12
e-mail: andreyshilovtsev@mail.ru

СТОЖКО Константин Петрович

Доктор исторических наук, кандидат экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой общей и экономической истории

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 221-27-12
e-mail: kostskp@mail.ru

К вопросу о социальной безопасности личности в российской истории (социально-философские аспекты)

Ключевые слова: социальная безопасность личности; социальная справедливость; социальный институт; государственное насилие; сословная принадлежность; исторический процесс; российское общество.

Раскрывается эволюция феномена социальной безопасности личности в российском обществе в рамках исторической ретроспекции (IX – начало XX века). С социально-философских позиций рассматривается диалектическая взаимосвязь структуры и содержания социальной безопасности с состоянием российской государственности и развитием правовых институтов на каждом из крупных этапов российской истории. Показывается, что насилие со стороны монархического государства и отсутствие действенных мировоззренческих установок в отношении общественного развития приводили к возникновению угроз и опасностей, ликвидация которых, как правило, происходила в ходе крупных социальных конфликтов.

Проблема социальной безопасности личности в ее изначальном определении носит комплексный и междисциплинарный характер, что подразумевает необходимость расширенного подхода к определению ее атрибутивных свойств и методов разработанности.

В научной, и особенно энциклопедической, литературе этот феномен нередко ассоциируется с состоянием защищенности индивида от возможных угроз, опасностей, рисков и неопределенности. В действительности понятие социальной безопасности личности намного шире и не исчерпывается указанной формулировкой. При сохранении неизменной сущности, которая состоит в минимизации или в ликвидации условий, способных привести к одному или совокупности негативных последствий, ее содержание и структура в зависимости от создающихся условий могут быть различными.

Категория «социальная безопасность личности» характеризует непосредственную взаимосвязь человека и общества и может быть представлена как отношения между социальным субъектом и социальным объектом. В зависимости от того, каким образом социум влияет на личность, а личность социализируется в обществе, определяется ее адаптация в нем. Сюда же относится способность к *интериоризации* (т. е. формированию убеждений, ценностных ориентаций личности, «опредмечиванию» социальной

и духовной реальности) и к социальному творчеству (например, к нормотворчеству). Иначе говоря, от характера связи субъекта и объекта в структуре социального отношения, которое составляет сущность феномена социальной безопасности, зависит возможность превращения личности из объекта манипулирования многообразными общественными силами и структурами в субъект социального творчества.

Одним из наиболее важных свойств социальной безопасности является материально-предметная сторона состояния бытия самой личности и результаты влияния на нее происходящих в обществе политических, экономических и культурных трансформаций.

Социальная безопасность личности как *объективный интерес* и ее *субъективная потребность* представляет собой диалектическое единство внутреннего мира человека и окружающей его внешней действительности. Под *объективным интересом* следует понимать *необходимость* субъекта в благах, ценностях и ресурсах, без которых он не может существовать и полноценно развиваться. *Субъективная потребность* – это уже запрос личности на определенные блага, «прошедший» через волю, психику и сознание индивида и трансформировавшийся в определенное значение, которым человек их наделяет.

Следовательно, личность может ощущать себя в опасности, если объективный интерес противоречит субъективной потребности, и наоборот. Первое несовпадение отражает объективную ситуацию нарушения баланса интересов человека, второе указывает на значения, которые личность придает тем или иным благам в своей жизни. Эта значимость может быть не вполне адекватна объективной реальности, поскольку психика и сознание, а также сфера подсознания индивида способны искаженно преобразовывать объективные интересы. Исходя из этого можно выделить две модальности социальной безопасности личности: *внутреннюю* и *внешнюю*. Первая означает состояние внутренней гармонии, т. е. когда человек живет в согласии со своей совестью. Вторая выражается в том, что индивид адаптирован к окружающей среде.

Крупнейший итальянский ученый эпохи Просвещения Джамбаттиста Вико, основатель философии истории, рассматривал историческое развитие как процесс сохранения человеческого рода. В результате он пришел к мысли об объективном характере исторического процесса, который представляет собой определенный круговорот времени – развитие всех народов по циклам, включавших по три эпохи (божественную, героическую и человеческую). В контексте каждой из них условия безопасности и ее характер отличаются, но главная цель – сохранение человека – остается неизменной. По мнению Дж. Вико, государство, которое обязано защищать и охранять личность, появляется именно в целях воспроизводства человека. Как только какое-либо государство перестает эффективно выполнять эту задачу, происходит смена эпох, начинается новая эра с новым типом государственного устройства (аристократическое государство, представительная монархия, демократическая республика и т. д.). Такие преобразования могут происходить в результате переворотов и отчаянной борьбы людей за свою безопасность и самосохранение (см. [1]). Государство, созданное людьми и развиваемое ими через отстаивание своей социальной безопасности, выступает по отношению к личности внешним субъектом, внешним миром и внешним фактором решения проблемы их защиты. Но и сама личность не должна полностью отдавать государству функцию обеспечения своей социальной безопасности, потому что государство – это группа конкретных личностей, которые отстаивают, в первую очередь, собственные интересы.

По мере того, как человек выходил за рамки своей физиологической природы и становился общественным существом, естественные угрозы уступали место социальным. Одной из главных становилось насилие со стороны государственных институтов. Известный русский социолог П. Сорокин отмечал: «...таков институт власти. Власть группы, задачей которой служит охрана порядка и безопасности членов группы, возникла

на почве этого инстинкта. Таков институт войска и полиции: задачей их служит защита жизни и безопасности граждан от внешних и внутренних врагов. Само явление права, указывающего дозволенное и недозволенное поведение, представляет собой институт, во многом обязанный тому же инстинкту индивидуального самосохранения» [2. С. 47], т. е. институты государства и права, появляющиеся для решения проблемы укрепления и развития социальной безопасности личности, уже сами в себе содержат социальные угрозы. Следовательно, чтобы составить представление о социальной безопасности личности, необходимо провести идентификацию социума, в условиях которого происходит ее формирование: состояния самой *государственности (суверенитет) и автономии личности*.

Важными историческими особенностями формирования и развития российской государственности на протяжении IX – начала XX века являлись: а) монархическая форма правления в политической сфере; в) феодальный уклад хозяйства, составлявший основу экономики страны до отмены Александром II крепостного права в 1861 г. и начала буржуазных реформ. Все это время социальное устройство российского общества было связано с наличием феодальной собственности на землю и двух классов – землевладельцев и крестьян. До конца XIX века в России почти не было класса наемных рабочих, так как реформа 1861 г. создала лишь самые общие предпосылки для его формирования.

От первых князей Киевской Руси до последних самодержцев Российской империи в соответствии с направленностью и результатами проводившейся внутренней и внешней политики в социальной структуре российского общества происходили различные трансформационные изменения, однако в основном все они были связаны с *сословным* делением населения страны.

Эволюционные преобразования каждого из этапов исторического развития российского государства и общества закреплялись в крупных законодательных актах, фиксировавших правовое положение основных категорий населения. Поэтому проблемы, связанные с обеспечением социальной безопасности, решались преимущественно в пределах сословной принадлежности и с позиций классового подхода.

На этапе Древнерусской раннефеодальной монархии (IX–XII века), когда органы власти и управления находились в стадии формирования, в сложной социальной структуре общества выделялись княжеско-боярская аристократия, их слуги, дружинники и церковь, ставшая в этот период коллективным землевладельцем. Главным преимуществом и привилегией этой категории являлись наследственное право на землю и эксплуатация труда общинников. Помимо немногочисленной прослойки горожан, к которым относились купцы и ремесленники, основную массу населения составляли сельские жители: люди и смерды, связанные системой взаимопомощи (круговой порукой) в совместной организации труда и жизни. Невыполнение в срок долговых и договорных обязательств приводило к появлению новых категорий – закупов и рядовичей. Полностью бесправные лица – холопы и челядь, находившиеся на положении вещи – относились к группе рабов. В целом для Древнерусского государства не было характерно прикрепление общинников к земле и личности феодала, так как в основном их зависимость проявлялась в договорно-даннических отношениях.

Для «Русской Правды» – первого свода законов, созданного преимущественно на основе обычаев и княжеских уставов, было характерно наличие принципа права–привилегии, т. е. юридическое закрепление неравноправия людей, принадлежавших к различным социальным группам. В нормах этого документа, относящихся к уголовному праву, можно найти лишь два родовых объекта преступлений – личность человека и его имущество. Вполне очевидна классовая природа правовых предписаний, объяснявшая ощутимую разницу в привлечении к ответственности в зависимости от социальной принадлежности потерпевшего: за убийство свободного человека в княжескую казну

уплачивалась «вира» в 40 гривен, в то время как убийство боярина, представителя верхнего слоя феодалов, наказывалось штрафом в 80 гривен. Убийство зависимых людей оценивалась всего в 12 или 5 гривен («Русская Правда», ст. 11–17) [3. С. 10–11]. Примечательно, что если на одной из стадий досудебной подготовки дела («гонении следа») следы подозреваемого приводили к селу, то ответственность возлагалась на общину (вервь). В этом случае община могла выдать подозреваемого властям, либо оставить его у себя, заплатив штраф – «дикую виру» [4. С. 12–32].

В системе норм, регулировавших имущественные отношения, феодальная собственность на средства производства становилась наследственной. Переход из одного сословия в другое был практически невозможен. Исключение составляли случаи невыполнения обязательств по договору, когда обращение взыскания распространялось не только на личность должника, но порой и на его жену и детей. Так, злостного неплательщика долга или банкрота можно было продать в холопы [4].

После периода феодальной раздробленности (XII–XIV века), сопровождавшейся волнами военных экспансий с запада и востока и двухвековым владычеством Золотой Орды, началось объединение разрозненных удельных княжеств и создание Русского централизованного государства. В связи с присоединением удельных земель к Московскому княжеству и расширением его территории произошли значительные перемены в государственном и общественном устройстве. Изменились природа и состав феодального и зависимого сословий. С возвышением московского князя класс феодалов добавил себе служилых князей, бояр, «слуг вольных», «детей боярских», «слуг под дворским». Главной задачей московских правителей стало сохранение единства территории государства, увеличившегося почти до размеров Киевской Руси. Бывшие удельные владельцы, потеряв право собственности на свои земли и переведенные в разряд боярства, были настроены оппозиционно, поэтому великие князья искали опору в новой группе класса феодалов – дворянстве, формировавшемся преимущественно из «слуг под дворским» и мелких бояр. В отличие от боярства, имевшего землю в наследственном владении (вотчины), дворяне получали свои надельные во временное пользование (поместье). Со времен Ивана III московские князья, нуждаясь в прочной опоре для своей власти, давали землю на правах поместья многим свободным людям и даже холопам при условии несения ими военной службы.

С XIV века многочисленное сельское население стало называться крестьянством. В период феодальной раздробленности и в ходе централизации крестьяне часто мигрировали в поисках территорий с меньшим налогообложением. Обычно это были крупные вотчины, в силу чего от крестьянских переходов терпели убытки преимущественно мелкие феодалы. Стремление оставить крестьян за определенным хозяином было выгодно как землевладельцу, так и государству. До конца XV века великие князья особыми грамотами закрепляли за отдельными владельцами группы сельских жителей, включавшие категории старожильцев, новопорядчиков, серебрянников, половников и бобылей.

Новый свод законов (Судебник 1497 г.) положил начало всеобщему закрепощению крестьян, оставив им для перехода от хозяина к хозяину всего две недели в году (неделю до и неделю после Юрьева дня – 26 ноября).

В этот период развивается процесс постепенного стирания граней между крестьянами и холопами. Холопы получают некоторые имущественные и личные права, в то время как закрепощенные крестьяне все больше их теряют. Состояние внешней безопасности феодалов и феодально-зависимого населения стало напрямую зависеть от задач централизации государства и сословной принадлежности. В нормах Судебника 1497 г. в качестве объекта преступления появилась государственная целостность, и в качестве наказаний за измену (крамолу) или восстание (подым) вводилась смертная казнь. Ответственность за имущественные преступления была усилена введением публичных телесных наказаний (торговая казнь).

Тенденция укрепления правовых позиций дворянства и дальнейшего закрепощения крестьян продолжала усиливаться вплоть до начала XVIII века. Социальная безопасность личности простого человека неуклонно девальвировалась, как, впрочем, и сама жизнь.

Все XVII столетие, вошедшее в историю под названием «Бунташный век», характеризовалось множеством социальных потрясений. Среди них: восстание Хлопка (1603 г.), война под предводительством И. Болотникова (1606–1607 гг.), Соляной (1648 г.) и Медный бунты (1662 г.), Соловецкое восстание (1668–1676 гг.), война под предводительством С. Разина (1670–1671 гг.), стрельцкие волнения (1682 г.). Народные выступления охватывали огромные территории, а во время городских бунтов восставшие нередко становились хозяевами столицы. Общей чертой протестного движения XVII века являлось стремление восстановить социальную справедливость в границах сословной принадлежности, так как ни организаторы, ни участники не ставили цели ликвидации института монархии. Их гнев был направлен против боярско-чиновничьей бюрократии, а у царя, к которому обращались с челобитными, просили наказать изменников и мздоимцев и поставить вместо них честных людей. В основном эти события носили ярко выраженный социальный характер и были вызваны нарушениями в политической и экономической сферах, затрагивавших права и свободы крестьян, городских жителей, казачества.

Соборное уложение царя Алексея Михайловича (1697 г.) окончательно лишило владельческих крестьян личной свободы. Юрьев день был отменен, а срок сыска беглых крестьян стал бессрочным.

В начале XVIII века Петр I, поставив задачу превратить Россию в одно из сильнейших государств Европы, провел целый ряд крупномасштабных преобразований в политической, военной, социальной и культурной сферах. По форме правления Россия превратилась в абсолютную монархию, а в 1721 г., после окончания Северной войны, в империю. В ходе реформ по переустройству общественного уклада население было разделено на четыре сословия: дворянство, духовенство, мещане, крестьяне. Категория бояр прекратила свое существование с принятием Указа о единонаследии (1714 г.). Стремясь создать политическую, военную и культурную элиту, способную развивать и укреплять российскую государственность, Петр I заставил практически все дворянство нести государственную службу, закрепив ее обязательность в «Табели о рангах всех чинов воинских, статских и придворных» (1722 г.). С этого момента привилегированность дворян попала в прямую зависимость от успешного продвижения по служебной лестнице.

С восшествием на российский престол Екатерины II началась эпоха «просвещенного абсолютизма», которая имела достаточно противоречивые последствия. Это объяснялось тем, что внутренние причины этой политики отличались от западноевропейских. Поставив задачу частичного нивелирования правового положения основных четырех сословий российской империи, императрица не только не выполнила ее, но еще больше усилила социальные противоречия, что в конечном итоге негативно повлияло на монархический строй.

Русская церковь практически не вмешивалась в дела государственной власти, поэтому наступление на духовенство, выразившееся в политике секуляризации, привело лишь к разрушению моральных ценностей российского общества.

Владельческое крестьянство, и без того лишенное гражданских прав в ходе закрепощения в XVII веке, после подавления Крестьянской войны под руководством Е. Пугачева (1773–1775 гг.) попало в абсолютную зависимость от помещиков, став беззащитным предметом оптово-розничной купли-продажи. Позитивная программа Просвещения выполнялась в исключительно узком кругу дворян и только в их интересах. После вступления в силу «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного

российского дворянства» (1785 г.) это сословие освобождалось от обязательной службы и налогообложения, а время правления Екатерины II назвали «золотым веком русского дворянства». Многих привилегий добились и состоятельные категории горожан («Грамота на права и выгоды городам Российской империи» 1785 г.). Поэтому главным результатом правления «просвещенной» императрицы стало формирование самодостаточной бюрократической системы и усиление крепостного права в России.

До начала проведения буржуазных реформ 1860–1870-х годов дворянское сословие являлось самой защищенной в правовом отношении категорией населения. Фрагментарные попытки Павла I по минимизации дворянских привилегий в конце XVIII века привели к заговору и убийству императора. Подход к решению этой проблемы его сыновьями – Александром I («Указ о вольных хлебопашцах» 1803 г., отмена крепостничества в прибалтийских губерниях) и Николаем I (разрешение передачи земли за определенные повинности в 1848 г.), стремившихся ослабить крепостной гнет, не внесли существенных изменений в правовое положение крестьянства.

Реформа Александра II (1861 г.) юридически освободила большую часть населения от рабской зависимости, предоставив крестьянам личную свободу и формальную возможность участия в жизни государства. Преобразования судебной системы вводили принципы всесословности и открытости в судопроизводстве, реформа органов местного управления (выборные начала) предполагала расширение правоспособности не только крестьян, но и других категорий населения. Однако фактически статус свободы (и гражданства) без наличия земельной собственности, которая приносила бы доход, не мог в полной мере обеспечить социальную безопасность крестьянского сословия.

С ускоренным развитием капиталистических отношений во второй половине XIX века к уже существовавшим сословиям добавились два новых класса – буржуазия и пролетариат. По сравнению с другими категориями населения, обладавшими той или иной степенью социальной защищенности в рамках своей сословной принадлежности, буржуазия и наемные рабочие были вынуждены искать собственные пути для обеспечения социальной безопасности в политической, экономической и правовой сферах.

Л. Н. Толстой в 1898 г. писал по этому поводу: «Правительство не представляет народ, а есть те же частные лица, люди, имеющие власть, несколько различные от капиталистов, отчасти совпадающие с ними. И потому правительство никогда не передаст капиталы рабочим. Что правительство представляет народ – это фикция, обман» [5. С. 103–104]. Категоричное суждение русского писателя относилось к царскому правительству. Но, в сущности, любое правительство состоит из «частных лиц», имеющих свои собственные интересы. По мысли российского антрополога В. Мерцалова, в условиях безразличия государства к интересам простых людей личность превращается в *ничто*, а свободный человек становится *рабом*. При тотальном равнодушии в классовом государстве о социальной безопасности личности не может быть и речи [6. С. 46]. Не случайно шотландский экономист и философ А. Смит в работе «Теория нравственных чувств» (1759 г.) с иронией пишет об англичанине, для которого смерть сотен китайцев представляется гораздо менее опасной, чем укол собственного пальца [7. С. 34]. Иначе говоря, отдаленная угроза представляется индивиду не существенной в той мере, в какой он сам еще не стал личностью. И, наоборот, зрелая личность обладает способностью сопереживать и быть солидарной с любой абстрактной личностью, которая сталкивается с угрозой собственному существованию.

В конце XIX века государственные бюрократические структуры, состоявшие преимущественно из дворян, обошли своим вниманием проблемы, связанные с бедственным положением основной массы населения страны. Это стало одной из главных причин крупнейшего социального потрясения в начале XX века. И лишь на фоне развития драматических событий первой российской буржуазной революции 1905–1907 гг. пра-

вительству во взаимодействии с созданным парламентом удалось частично устранить главные причины социальных конфликтов и в некоторой степени добиться решения крестьянского и рабочего вопросов.

Таким образом, в России на протяжении более чем тысячелетия (IX – начало XX века) насилие со стороны государства, защита узкокорпоративных интересов правящих сословий, отсутствие действенных мировоззренческих установок в отношении общественного развития приводили к тому, что внешняя сторона социальной безопасности личности для большинства населения носила эфемерный характер. Конфликт между *объективным интересом* и *субъективной потребностью* приводил к появлению угроз и опасностей, ликвидация которых была возможна в основном в ходе крупных социальных конфликтов. В условиях эксплуататорского государства эти угрозы не устранялись, а могли лишь минимизироваться, подготавливая условия для новых кризисных ситуаций.

Конституцией 1993 г. Российское государство объявлено *социальным*. Вопрос о том, является ли оно таковым и обеспечивает ли реально права и свободы, требует серьезного исследования, поскольку от этого во многом зависит развитие феномена социальной безопасности личности в ближайшем будущем.

Источники

1. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Л. : Гослитиздат, 1940.
2. Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4.
3. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 год) / сост. В. А. Томсинов. М. : Зерцало, 1998.
4. История государства и права России / под ред. Ю. П. Титова. М. : Проспект, 1999.
5. Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 20 т. М., 1964. Т. 20.
6. Мерцалов В. Происхождение человека еще не завершено. Логика антропогенеза. СПб. : Алетейя, 2008.
7. Смит А. Теория нравственных чувств : пер. с англ. М. : Республика, 1997.